

ЮБИЛЕИ в 2025 году

Скарлыгин Геннадий	17 января	- 75 лет
Яковлев Сергей	11 сентября	- 75 лет
Анкудинов Геннадий	31 декабря	- 70 лет
Яблокова Ирина	7 марта	- 65 лет
Назаренко Татьяна	21 июля	- 55 лет
Луговской Александр	18 декабря	- 55 лет
Кириллова Мария	16 февраля	- 45 лет
Харламов Андрей	14 января	- 40 лет

ШИШКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ДОМЕ ИСКУССТВ

В честь 152-летия Вячеслава Шишкова в Доме искусств прошёл цикл мероприятий, посвящённых творчеству писателя. Традиция Шишковских чтений продолжилась: в этом году состоялись две встречи клуба по воскресеньям, где участники обсуждали короткие рассказы «Кедр», «Журавли», «Чёрный час», а на завершающей встрече — сибирский роман «Угрюм-река».

Гостям в подарок предложили две бесплатные экскурсии по экспозиции «Шишков — золото Сибири», которые провела Анастасия Савина.

Также во дворе усадьбы был открыт ассамбляж в стиле народной росписи «Лубок» с элементами керамической мозаики — его создали мастера «Мансарды» Татьяна Гринчук и Евгения Манчак по мотивам рассказа «Кедр».

В мероприятиях приняли участие более 50 человек, самый младший — 6 лет. Пусть живёт творчество Вячеслава Яковлевича — писателя с сибирской душой.

Постоянную экспозицию «Шишков — золото Сибири» можно посетить ежедневно с 8.00 до 20.00. Запись на экскурсии по тел. 8 (3822) 528-348. Оплата возможна по Пушкинской карте.

«МАРКОВСКАЯ ОСЕНЬ»

В работе литературно-краеведческого фестиваля «Марковская осень» (25-26.09.2025, г.Асино), наряду с научными сотрудниками Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова, научной библиотеки ТГУ, представителями общественности, приняли участие томские писатели Елена Клименко, Сергей Максимов, Анна Савченко.

Программа «Марковской осени» включала открытие выставки «Литературный музей на Родине Г.М.Маркова»; акцию «Читаем Маркова ВСЛУХ», кинолекторий «Строговы — полвека на экране», краеведческую игру «Из Рассеи в Сибирь».

В рамках круглого стола «И веку глядущему...» прозвучала информация Е.В. Клименко о публикации сокращённого варианта книги Г.М. Маркова «Орлы над Хинганом» в сборнике томских авторов «Победа: связь времён. 1945-2025». По этой книге в 1981-1982 гг. были сняты фильмы «Приказ: огонь не открывать» и «Приказ: перейти границу». Сценарии фильмов создавались при непосредственном участии автора. История произведений Г.М.Маркова и их экранизации регулярно освещаются на заседаниях клуба «Буквица» (ведущая Оксана Борисовна Чайковская, журналист и писатель).

В сборник памяти томских писателей «Ушли, но остались» (Томск, 2025, под ред. Г.К.Скарлыгина, Е.В.Клименко, Т.Ю.Назаренко; доступен в электронном виде на сайте «Томский писатель») вошли воспоминания о встречах с Г.М.Марковым асиновского краеведа Г.И.Игнатов.

Поступило предложение к «Марковским чтениям-2026» написать и опубликовать литературоведческую статью о творчестве Г.М.Маркова (С.Г.Максимов); рассмотреть возможность присвоения имени Маркова Губернаторской премии по литературе; а также привлечения

к акции «Читаем Маркова ВСЛУХ» учащихся томских колледжей. Поднималась тема восстановления дома Марковых, создания в городе Асино мурала по мотивам произведений Г.М.Маркова и его мемориальной комнаты-музея.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Ольга АНИКУШИНА

Не для меня

Когда Викуля родилась, вся округа вздрогнула от крика! Роддом дал трещину до фундамента, но устоял. Позже весь подъезд знал: дрель в квартире у Сидоровых по воскресеньям — это цветочки. Соседи понимающе переглядывались в лифте, глядя на детскую коляску, подкатывали глаза к потолку и вздыхали: «Боги, дайте нам силы пережить этот год». Винкин голос взмывал высь ракетой! Гудел во всю широту глотки, расправлял лёгкие: «Я родилась, я есть! Слышите?» Никаких тебе зажимов. Никаких сорванных связей.

У каждого младенца и тебе полётность звука, и наполняемость хорошая, и богатая палитра красок. Куда всё это пропадает у взрослого, когда появляется сильное желание петь от души? Эх, запустить бы голос высь. Красиво. Мощно. Так запеть, чтобы все вокруг несли от восторга и просили ещё позвучать: «Спой, Вика, пожалуйста, хоть ещё одну песенку спой». Куда там...

У каждого в голос влётён свой узор мышечных зажимов. Кого-то одноклассники высмеивали, кто-то уверен, что в его роду специально обученный медведь ходил по головам и уши оттоптал. У Вики другая история. Ей было лет пять, когда брат оставил её дома одну. Включил телевизор, а сам убежал на улицу к друзьям. Шёл фильм «Пятый элемент». Синехожая инопланетная певица, копия детсадовской нянечки с дредами и такая же худая, голосила неземным голосом. Она даже не пела, а резала воздух в комнате тонкими лопатками.

Вика слушала эту смелую красоту, затаяв дыхание, а потом запела фоном всё громче и громче! Ей хотелось, чтобы все — все на свете услышали и восхитились: и мама с папой, и брат, и его друзья, и даже нянечка в детском саду на соседней улице. И все смотрели бы на неё, широко открыв глаза, как на Плавалагуну. Но тут Вика опомнилась: она не синяя! Так ничего не выйдет!

Водолазка из стирки неприятно пахла братом и не облегла руки, как хотелось. Но это ведь пустяки? Зато она была нужного цвета и длинной до пола. Вика достала шапочку для бассейна и натянула на голову. Вытащила вперед две жидкие косички. Накрасила губы маминной помадой и посмотрела в зеркало. Чего-то явно не хватало. Вспомнила про новую гуашь, обрадовалась и вымазала голубой краской ладони, щёки, лоб, подумала и решительно проглатывала светлые косы. Довольная, влезла в маминны туфли с высоченными каблукками. На экране еле живая Лилу шептала: «Ветер — дует, огонь — горит, дождь — идёт». Доморощенная Плавалагуна выключила звук, пульт от телевизора стал микрофоном, и Вика запела, шатаясь на каблукках, поднимая руки вверх. Так у неё хорошо выходило, что она пела всё смелее и сильнее. Настоящая оперная дива!

Вдруг сзади что-то загрохотало. Это мама вернулась с работы и вошла в комнату. Вика была уверена, что настал звёздный час, она набрала в грудь больше воздуха и радостно заголосила, что было сил, для самого главного зрителя в своей жизни. Мама от неожиданности вздрогнула и выронила из рук пакет. В нём был сервиз, подарок на юбилей бабушке. Вика осеклась где-то высоко на ноте и выпучила глаза. Куски фарфора катились по комнате. Мама закричала с металлом в голосе уже затихшей дочери: «Прекрати скулить, чуело! — как косяк по шее прошлась. — Вика вжала ленив и затихла. — Хочешь, чтобы полиция приехала на твой визг?» Концерт отменили. Навсегда.

Нервный стук соседей по батарее отдавал в висках. Мать схватила «безмозглую дочь, не думающую о людях», рывками стянула костюм Плавалагуны, приговаривая: «Не ребёнок, а наказание! Я думала, тебя кто-то режет. Как людям в глаза смотреть? Скажут, что убиваем ребёнка!». Она впечатала Вику в холодную чугунную ванну и встряхнула за плечи: «Я запрещаю тебе петь! Слышишь? Собаки бездомные и те лучше лают. Не позорь семью!» Включила воду и пошла собирать осколки.

Ревели обе. Одна бубнила что-то про новую водолазку сына, и как ей жалко сервиз и деньги, которые с неба не падают. Другая сидела в ванной, голая, мокрая и выла на душ, захлёбываясь синими соплями и слезами. Голубая мечта смывалась и уплывала вместе с краской. Вика поливала себя тёплой водой, но её бил озноб, холод засел глубоко внутри каким-то жестоким решением.

Звучать — страшно. Больше она не пела. Ей словно выключили звук. Сказку про Русалочку, у которой ведьма забрала голос, Вика проживала по-своему. Она злилась на себя: хватать воздух ртом — вот твой удел! Взрослела, но открывала рот безгласной рыбой — и в саду, и в школе, и в техникуме.

Если есть белая зависть, то Виктория махрово завидовала всем, кто поёт. В школе ей нравились уроки музыки, когда класс становился хором. Она стояла в последнем ряду и молча открывала рот, не доверяя себе. Ей нравилось многоголосие и чувство единства. Она замирала и слышала песню изнутри хора, качаясь на волнах куплетов.

Мир звуков — особый мир. Скрежет трамвая и шаги по лужам, голоса птиц и смех детей, шум машин и шорохи ветра — всё это было для Вики музыкой. Много лет она пела шёпотом себе под нос, когда никто не слышал. Пела робко, фальшивя, осекаясь. Теперь она точно знала, что петь не умеет, не может, не имеет права, потому что это не к месту и некрасиво, и нет человека, которому нравился бы её голос.

Она осмелела после свадьбы. Надо ли говорить, что муж замечательно пел и играл на гитаре? Викуля садилась рядом и подпевала молча. Внутренним голосом, создавала дуэт. Как-то она мыла посуду и напевала тихонько тарелкам. Ей показалось, что песня выходит красиво: «Не для меня поё-о-ёт ве-ес-на...» Внутри появилось забытое светлое чувство

радости. Вика накрыла на стол и позвала мужа ужинать. Погуляла вилкой по тарелке и уставилась на него.

— Ты чего? — он не любил этот взгляд. Сейчас точно будет просьба.
— Хочу тебе спеть. Послушаешь? — отважился Вика.
— Ты, спеть? Давай, — он выдохнул и засмеялся.
— Не для меня, — тихо запела Вика, наприглась спиной и плечами, лоб вспотел, прядь волос упала на лицо, будто детская косичка в синей гуаши. Голос споткнулся, но она продолжала, — придёт весна...

Викуля допела куплет. Муж встал и пошёл на балкон.
— Куда ты? Скажи что-нибудь? — оклинула она.
— Положи голову на стол, я мигом — только за топором схожу... Так петь нельзя! Больше она не пела дома, даже тарелкам. Было, правда, ещё два стихийных концерта.

В старорусском жанре «Страдания». Она не готовилась к ним. Жизнь сама всё устроила. Один концерт прошёл в реанимации. Вика носила годовалого сына по палате, прижимала его к себе, как тряпочку, и выла белугой: «Не для меня». Там её никто не останавливал. Оторвалась во весь голос, дурниной. Врачи и медсестры понимали, что отобрать у бабы песню, когда та ребёнка теряет, — верх жестокости. Концерт прошёл. Сын выздоровел, но больше не переносил эту песню, вообще просил при нём не петь. Ещё один человек, при ком лучше не петь.

Второй концерт прогремел по случаю развода Вики. Душевный и тихий дружеский вечер в загородном доме подруги закончился. Вся семья шла провожать гостью: подруга с мужем, родители, братья, дети высипали горохом в прихожую. И в этот момент Вика вдруг увидела перед собой обычное счастье: несколько поколений большой и дружной семьи, а у неё оно только что разбилось на тысячи осколков. Невозможно было сделать шаг в сторону своего дома, в одиночество. Ноги подкосились. Она села на стул у двери и запела, отпустила крик, пела сердцем в гробовой тишине: «Не для меня». Словно голоса тысяч баб, помимо неё, выводили болью: «И сердце девичье забьётся... не для тебя». Не думаю, что песня прошла на ура. И всё. «Захлопнулась варежка» — как говорят у нас в Сибири. Больше она не пела. Слушала тех, кто умеет, недосажаясь и талантливых, поцелованных Богом.

Года три промолчала. А потом вдруг дошло: зависть — это остановка в желании. Ну говорили ей в детстве, чтобы не пела, но ведь это когда было-то? Давно не ребёнок. Муж не хотел слышать? Так где тот муж? Чего проще: есть мечта? Делай целью, наметь шаги и двигайся вперед!

Вике было около тридцати, когда она пошла за детской мечтой. О чём она думала — не спрашивайте, не знаю. Но первый год обзывала себя дурой: «Похуже, не в коня овёс. Каждый раз надоешь, и каждый раз провал. Наверное, это для того, чтобы я окончательно убедилась, что петь — не для меня!» Прошёл год. Виктория повезло с Людмилой Ивановной, она верила, что если ученик различает фальшь, значит, у него отменный слух! А научиться попадать в ноты — это уже дело техники. Она не просто верила, а знала, что у каждого человека от природы есть голос. Любимый может его раскрыть, освоить четыре октавы и больше. Было бы желание. Остальное — чушь. Вика слушала и надеялась, что когда-нибудь споёт со сцены. Упражнения казались пыткой. Открыть рот и пропеть звук было невозможно. Губы напрягались и каменели. Она не привыкла, чтобы кто-то слышал её голос. Холодный пот по спине. Горло перехватывало спазмом. Не выдержала. Ушла: педагог — из жизни, Виктория — из пения. Так бывает. Кому теперь могла довериться Виктория? Таких вокалистов больше нет.

Прошёл год. Как-то Виктория зашла в храм и услышала репетицию хора воскресной школы для взрослых. Торжественно звучало трёхголосье. Звуки улетали под купол, сплетались в светлый столб и разлетелись белыми голубями по старинным арочным витражам. Вика осталась в хоре.

Училась держать партию. В хоре оказалось, как в жизни: она часто сбивалась с нотного пути. Чувствовала сомнения и неуверенность — самую громкую песню своей жизни. Нет опоры. Нет стержня. Съезжала на соседние партии и замирала. Молча открывала рот, чтобы не портить общее дело. Отдохнёт молчаливой рыбой, успокоится и снова вплетала голос в общий узор. Постепенно он наливался силой, уверенностью, красотой, но она по-прежнему опиралась на голоса рядом. Хор пел на праздничной службе, когда оказалось, что половина вокальной группы не пришла, и партию ей придётся петь сольно. Волнение дребезжало вторым голосом: «Не для меня». Пару раз она переходила на шёпот. После службы её похвалили, но она себя не простила за ошибки и ушла из хора.

Но грабли для того и созданы, чтоб на них наступать. Вика поехала с подругой на дни индийской культуры и попала на мастер-класс по индийскому храмовому вокалу. Попала и осталась. Странные средневековые песни на санскрите. О них и в Индии-то не все знают. Таинственные узоры древних песнопений передаются в семье брахманов из поколения в поколение много веков. Вика разучивала сложные гаммы и уникальную систему счета. Каждое занятие было похоже на медитацию. Голос Вики просыпался и креп, но недолго, педагог уехал из города, и зазвучала привычная мелодия: «Не для меня».

Спустилась ещё год, Вика остановилась возле музыкальной школы. Она слушала красивые детские голоса. Не поняла, как зашла в фойе и договорилась о занятиях. Преподаватель по классу русского вокала с напором Фроси Бурлаковой еле сдерживала досаду: «Не заворачивайте звук оглоблей! Должен быть открытый, прямой звук, как на лопате. Надо порхать птичкой, легко и свободно, с ветки на ветку. С ветки на ветку! И вверх по радуге! А вы... Как на телеге едете». На последнем занятии учитель устало уставилась в ноты сквозь тусклые очки. Оборвался канат, за который тянули Вику к мечте бурлаком по Волге. Вздохнула и решительно произнесла: «Вы поёте так осторожно, словно из-под стола. И эта оперная дурь. У нас не La Scala. Я не смогу вас научить. Всё. Завершаем».

Автобус вёз Викторию домой. Каждое слово всё ещё отзывалось яркими образами хождения по несложившимся вокальным тропам, по горьким голосовым мукам. «Оперная дурь...» Слёзы подступили, она вспомнила Плавалагуну. Только один голос стал самым правдивым и ясным — внутренний голос из детства: «Мне нельзя петь! Всё! Хватит! Я устала биться о стену. Себя не перепрынешь!» Она вышла на остановке и уткнулась в афишу: «Для тебя! Хор для взрослых. Объявляется набор».

НАРЫМ ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

В Доме искусств старший научный сотрудник Томского краеведческого музея, кандидат исторических наук и член Союза писателей России Татьяна Назаренко представила свой проект «Нарым глазами детей»

Нарым — село на севере Томской области, в котором меньше тысячи жителей... И Нарым — самое старое русское поселение в Томской области. Он на 8 лет старше самого Томска.

Однажды в Нарым приехала Арт-резиденция из Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова, в которую вошли художники, писатели, журналисты и учёные. Резиденты две недели жили в Нарыме, познакомились с его жителями, изучали и прошлое, и настоящее. Познакомились и со студийцами.

Вот так и родилась идея: пусть впечатления резидентов и рассказы о Нарыме будут проиллюстрированы не фотографиями (их в Интернете можно найти), а рисунками нарымских детей.

«Грамматика жизни»

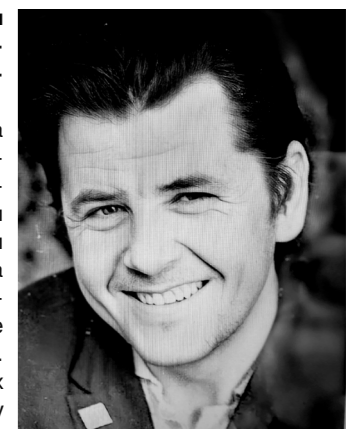
В библиотеке имени А. С. Пушкина состоялась Вечер памяти известного глухого поэта и журналиста Ивана Александровича Исаева (07.07.1938-20.09.2005), уроженца Томского района.

Вечер начался с прочтения неофициального гимна Всероссийского общества глухих (ВОГ), автором которого является Иван Исаев. После знакомства с сообщением на сайте ВОГ о смерти Ивана Исаева почтили его память минутой молчания. Сообщение о жизни и творчестве поэта сделала Светлана Алексеевна Котова (с.Турунтаево). Далее члены ТРО Союза писателей России Валентина Чубовец и Татьяна Самойлова, а также другие участники вечера читали стихи Ивана Исаева. В заключение состоялось обсуждение дальнейших действий по привлечению внимания к творческому наследию поэта. Вёл вечер Александр Панов.

Один из мэтров советской литературы, главный редактор журнала «Огонёк» Анатолий Софронов написал в предисловии к первой книге стихов выпускника Литинститута: «Иван Исаев — поэт своеобразный, глубоко думающий и так же глубоко чувствующий», и пригласил ещё малоизвестного литератора на работу в отдел поэзии своей редакции, где Иван проработал с 1973 года по 1990 году, неоднократно становясь лауреатом премии этого издания.

Он был также талантливым журналистом, в течение 8 лет возглавлял газету «Мир глухих» с 1991 года до 2000-го. В 2000 году Иван Исаев перешел на работу в редакцию журнала «ВЕС», где работал до конца своей жизни. С 2000 года был сотрудником журнала «В едином строю».

Последние пятнадцать лет жизни поэт целиком посвятил работе в средствах массовой информации общества глухих.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Тимофей ЗАНИН

СРЕДИ ЗАДУМЧИВЫХ БЕРЕЗ

***
Без разлук — нет стихов.
Нет покоя без нервов.
Без последних штрихов
Не бывает шедевров!
Без лесов — нет полей.
Без дождей — нет печали.
В перепутье аллей
На скамейку причалим.
Без вина — нет вина.
Без гитары — нет песен.
Нас судьба повела
Мимо зависти, слеси.
Мы бокалы нальём.
Мы гитары настроим.
И друг другу споём
Что-то очень простое.

***
Наше прошлое отжило.
И пора его позабыть.
Почему нам так тяжело
Разрывать эту тонкую нить
Между нами и тем вчера,
Между «прочим» и «как-нибудь»?
Проводили мы вечера,
Так, как будто их можно вернуть.
В городах одиноко нам.
В твоём сердце приют пустоты.
Так зачем сохранишь хлам
Из отжившего прошлого ты?

***
Среди задумчивых берёз,
среди тропинок местных
закат до нас с тобой донёс
свет, раскидав в подъездах
Среди теней и пустоты,
с рождения до тризны
хотелось просто — простоты
и чистой, честной жизни.
***
Силуэты старинных домов,
городских переулков изгибы.
В глубине опустевших дворов
раствориться б в июле и сгинуть!

***
А июль так предательски свеж:
Блики солнца и запахи трав свежий.
И в стихах бесприютных надежд
лик печали встречается реже.

***
Я берёзы коснулся рукой.
Жизнь бежит словно реченька наша...
Вдруг задумался — кто я такой
в свете меж бетонных башен.

***
Аптека, улица, пивнушка —
Всё это за моим окном,
и осень — дряхлая старушка
людей опять загонит в дом.

Здесь осень, и её ноябрь
подарит свежий первый снег.
И все мы так безмерно рады
встречать с любимыми рассвет...

И в ноябре есть отраженье
любви, что наполняет дом.
И стрелки ловкое движенье
замрёт в пространстве временном.

***
Трамвай бежит сквозь старый город,
Тучи кораблими проплывают
и площадей ласкаю грусть.
Граничит с жаркой суетой.

Через Ушайку на трамвае
мост каменный ведёт нас путь.
Я взглядом мир весь обнимаю
и площадей ласкаю грусть.
На светофоре мы вдруг встанем,
и постойм, и дальше в путь.
Потоки пешеходов стали
в вечернем сумраке тонуть.

И вот трамвай плетётся снова
сквозь город сумрачных витрин.
И каждый в нём продрогний словно
в толпе. Но всё-таки один...

***
Почему в деревню меня тянет
По ту сторону Томи-реки?
Там не социальными сетями
Берег обтянули рыбаки.

***
Солнце там дома не закрывают.
Небо шире, чище и синей.
Тучи кораблими проплывают,
Тень пуская в зелени полей.

***
Воздух чище, сосны величавей,
Банный рай практически готов.
И на грядках подрастает щавель,
Вопреки смятенью городов.

